

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н. А. Некрасов

СТИХОТВОРЕНИЯ

В дороге

- Скучно! скучно!.. Ямщик удалой
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи,
- Буду, братец, за все благодарен.

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать -
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас

На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Байт кучер Иваныч Торопка), -
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...

Через месяц приехал зятек -
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь али непросто тесно

Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, -
Воротил он ее на село -
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка - крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло - да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла - становилось
Инда жалко подчас... да куды! -
Не утетишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет
Словно барченка, каждый день чешет
Бить не бьет - бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна
Ходит, тоись, совсем через силу
В день двух ложек не съест толокна -
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить - так почти не бивал
Разве только под пьяную руку...»

- Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

1845

Я за то глубоко презираю себя,

Что живу - день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем

Осудил сам себя беспощадным судом,

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб!

Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны

Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног

Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,

Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир

А брожу дикарем - бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна, и дика

А хватаюсь за нож - замирает рука!

1845

Перед дождем

Заунывный ветер гонит

Стаю туч на край небес.

Ель надломленная стонет

Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый

За листком летит листок

И струей сухой и острой

Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;

Налетев со всех сторон

С криком в воздухе кружится

Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой

Спущен верх, перед закрыт;

И «пошел!» - привстав с нагайкой

Ямщику жандарм кричит...

1846

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу

В стороне от веселых подруг?

Знать, забило сердечко тревогу -

Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво
Поллюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки
Полный чар, зажигающих кровь
Старика разорит на подарки
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник
Перетянешь уродливо грудь
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести
Погрузишься ты в сон непробудный
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья
Полном жизни, - появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вовслед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, -
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:

«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?
Нет! мы не хуже других - и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял
Чтобы нас ветер осенний развеял?...»
Ветер несет им печальный ответ: -
Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял
Да не по силам работу затеял.
Плохо бедняге - не ест и не пьет
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти

Высохли в щепку, повисли, как плети,
Очи потухли, и голос пропал
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою
Пахарь задумчиво шел полосою.

1854

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю - и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача
Не просветлеет небо надо мною
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя - во сне и наяву

В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, - теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить
Которое устало ненавидеть.

1855

Внимая ужасам войны
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены
Мне жаль не самого героя...

Увы! утешится жена
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна -
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы -
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей
Погибших на кровавой ниве

Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855

Школьник

- Ну, пошел же, ради бога!

Небо, ельник и песок -

Невеселая дорога...

Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело

И едва прикрыта грудь...

Не стыдися! что за дело?

Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.

Так, учиться ты идешь...

Знаю: батька на сынишку

Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха

Отдала четвертачок

Что проезжая купчиха

Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?..
Ну что ж! Случай тоже уж не новый -
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете -
Кто-нибудь свезет в Москву
Будешь в университете -
Сон свершится на яву!

Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа
Не погиб еще тот край
Что выводит из народа
Столько славных, то и знай, -

Столько добрых, благородных
Сильных, любящих душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1856

Поэт и Гражданин

Гражданин (входит)

Опять один,опять суров
Лежит - и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит -
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства
Ни красоты в нем нет, поверь
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь сам,

Какое время наступило;

В ком чувство долга не остыло,

Кто сердцем неподкупно прям,

В ком дарованье, сила, меткость

Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело
Ты только временно уснул
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить (берет книгу).
Спаситель Пушкин! - Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин (читает)

«Не для житейского волненья
Не для корысти, не для битв
Мы рождены для вдохновенья
Для звуков сладких и молитв».

Поэт (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь - пора!
И я восторг твой разделяю
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, - великий
Повыше Пушкина поэт?
Скажи, пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы

Твои элегии не новы

Сатиры чужды красоты

Неблагородны и обидны.

Твой стих тягуч. Заметен ты, -

Но так без солнца звезды видны.

В ночи, которую теперь

Мы доживаем боязливо

Когда свободно рыщет зверь

А человек бредет пугливо -

Ты твердо светоч свой держал

Но небу было не угодно

Чтоб он под бурей запылал

Путь освещая всенародно;

Дрожащей искрою впотьмах

Он чуть горел, мигал, метался.

Моли, чтоб солнца он дождался

И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда

Не видно солнца ниоткуда

С твоим талантом стыдно спать;

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, -
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.

Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет, и мачту клонит, -
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!

Вот пес - и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать

И бури грохот заглушать?

Пушкой ты верен назначенью

Но легче ль родине твоей

Где каждый предан поклоненью

Единой личности своей?

Наперечет сердца благие

Которым родина свята.

Бог помочь им!., а остальные?

Их цель мелка, их жизнь пуста.

Одни - стяжатели и воры

Другие - сладкие певцы

А третьи... третьи мудрецы:

Их назначенье - разговоры.

Свою особу ограждая

Они бездействуют, твердя:

«Неисправимо наше племя

Мы даром гибнуть не хотим

Мы ждем: авось поможет время

И горды тем, что не вредим!»

Хитро скрывает ум надменный

Себялюбивые мечты

Но... брат мой! кто бы ни был ты

Не верь сей логике презренной!

Страшись их участь разделить

Богатых словом, делом бедных

И не иди во стан безвредных

Когда полезным можешь быть!

Не может сын глядеть спокойно

На горе матери родной

Не будет гражданин достойный

К отчизне холоден душой

Ему нет горше укоризны...

Иди в огонь за честь отчизны

За убежденье, за любовь...

Иди и гибни безупречно.

Умрешь не даром: дело прочно

Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,

Глашатай истин вековых,

Не верь, что неимуций хлеба

Не стоит вещей струн твоих!

Не верь, чтоб вовсе пали люди;

Не умер Бог в душе людей,

И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!

Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:

В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?., чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других - потребен гений
Потребна сильная душа
А мы с своей душой ленивой

Самолюбивой и пугливой
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем
А если в сторону свернем -
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он Музам чуждый с колыбели
Своих поступков господин
Ведет их к благодарной цели
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.

Ах! будет с нас купцов, кадетов

Мещан, чиновников, дворян
Довольно даже нам поэтов
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор
Не сочинитель, не герой
Не предводитель, не плантатор
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами
Какими плачет он слезами...
Ему тяжелый жребий пал
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью
Поэт клянет или хоть стонет
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.

Когда же, но молчу... Хоть мало
И среди нас судьба являла

Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравнении смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Немудрено того добить
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить -
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной
Короче - очень безрассудной -
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы - я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.

Без отвращения, без боязни

Я шел в тюрьму и к месту казни
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?., мои слышав звуки
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...

Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу
Бороться стал бы, как ни трудно
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила
Как море вольные струи
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои -
Душа пугливо отступила...

Но, сколько б ни было причин
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю

При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.

Бедняк! и из чего пограл
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты - сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.

С тех пор нечасты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи
И песни гордые поет.

Зовет то в города, то в степи
Заветным умыслом полна
Но загремят внезапно цепи
И мигом скроется она.

Не вовсе я ее чуждался
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя -
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.

Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.

Под игом лет душа погнулась
Остыла ко всему она
И Муза вовсе отвернулась
Презренья горького полна.

Теперь напрасно к ней взываю -
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю

И не узнаю никогда.

О Муза, гостьею случайной

Являлась ты душе моей?

Иль песен дар необычайный

Судьба предназначала ей?

Увы! кто знает? рок суровый

Все скрыл в глубокой темноте.

Но шел один венок терновый

К твоей угрюмой красоте...

1856

Тишина

Все рожь кругом, как степь живая

Ни замков, ни морей, ни гор-

Спасибо, сторона родная

За твой врачующий простор!

За дальним Средиземным морем

Под небом ярче твоего

Искал я примиренья с горем

И не нашел я ничего!

Я там не свой: хандрю, немею
Не одолев мою судьбу
Я там погнулся перед нею
Но тыдохнула - и сумею
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой, пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал
Не небесам чужой отчизны -
Я песни родине слагал!

И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну
И ровный шум лесов сосновых
И деревенок тишину
И нив широкие размеры... Храм
Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

Нет отрицанья, нет сомненья

И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море
Как ни красна чужая даль
Не ей поправить наше горе
Размыкать русскую печаль!

Храм воздыханья, храм печали -
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил -
И облегченный уходил!

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом

Чтобы простил, чтоб заступился
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных
Бог скорбящих
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем.

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!» -

Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.

Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И вряд ли сам припоминаешь,

Каков ты был во дни войны, -

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,

Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы -
Свозили хлеб, сгоняли скот.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами

И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...

Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных молчаливых вод
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

Свершилось! Мертвые отпеты
Живые прекратили плач
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет
Меняли всадников лихих.

Война молчит - и жертв не просит

Народ, стекаясь к алтарям
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и он... как труп безглавый
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло
Перед одней... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!

В ней воздух кровью напоили
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.

Носили там людей к погосту
Как мертвых пчел, теряя счет...

Свершилось! Рухнула твердыня
Войска ушли... кругом пустыня
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,

И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина
Но - не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой
Ямщик бывалый, парень русский
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье
Прохладно там... Ямщик свистит

И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда
Нежнее шелковых ковров
И, как серебряные блюда
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно тих
Легко в их сырости приятной
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда - в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? -

Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай - не споря...

1856-1857

В столицах шум, гремят витии
Кипит словесная война
А там, во глубине России, -
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив
И выгибаются дугою
Целуясь с матерью землею
Колосья бесконечных нив...

1857

Песня Еремушке

«Стой, ямщик! жара несносная
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная -

Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит
Закачав ребенка малого
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку -
Поклонись пониже ей
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить
С молодницами пригожими

Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная

Жизнь покатится шутя...»

Эка песня безобразная!

- Няня! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откуда?»

- Я проезжий, городской.

«Покачай; а я покудова

Подремлю... да песню спой!»

- Как не спеть! спою, родимая

Только, знаешь, не твою.

У меня своя, любимая... «

Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий

Пошлых жизни мудрецов

Будь он проклят, растлевающий

Пошлый опыт - ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой

Не запало ни одно

Жизни чистой, человеческой

Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую

Благородных юных дней

В форму старую, готовую

Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям

Душу вольную отдай

Человеческим стремлениям

В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою -

Возлелей их, сохрани!

Братством, Равенством, Свободою

Называются они.

Возлюби их! на служение

Им отдайся до конца!

Нет прекрасней назначения

Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление

Чудо родины своей;

Не холопское терпение

Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую

К угнетателям вражду

И доверчивость великую

К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою

С этой верою святой

Над неправдою лукавою

Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...»

Вдруг проснулося

И заплакало дитя.

Няня быстро встрепенулася

И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!

Сыт?.. Ну, баюшки-баю!» -

И запела над малюткою

Снова песенку свою...

1858

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье
Разъезжаются гости домой
Так глубоко довольны собой
Что подумаешь - в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему, то и знай, по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли
Деревенские русские люди
Помолились на церковь и стали вдали
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», - говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!

Загорелые лица и руки
Армячишка худой на плечах
По котомке на спинах согнутых
Крест на шее и кровь на ногах
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв
Развязали кошли пилигримы
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они солнцем палимы
Повторяя: Суди его Бог!
Разводя безнадежно руками
И покуда я видеть их мог
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидную
Упоение лестью бесстыдною
Волокитство, обжорство, игру
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!

Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные

А земные ты держишь в руках

И несут эти люди безвестные

Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая

Что тебе этот бедный народ?

Вечным праздником быстро бегущая

Жизнь очнуться тебе не дает.

И к чему? Щелкоперов забавою

Ты народное благо зовешь;

Без него проживешь ты со славою

И со славой умрешь!

Безмятежной аркадской идиллии

Закатятся преклонные дни:

Под пленительным небом Сицилии

В благовонной древесной тени

Созерцая, как солнце пурпурное

Погружается в море лазурное

Полосами его золотя, -

Убаюканный ласковым пением

Средиземной волны - как дитя

Ты уснешь, окружен попечением

Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои
Чтоб почтить похоронною тризною
И сойдешь ты в могилу... герой
Втихомолку проклятый отчизною
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? -
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,

Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется -
То бурлаки идут бечевой!..

Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, -
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил -
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

О погоде

Часть первая (Фрагмент)

1

До сумерек

2

Под жестокой рукой человека

Чуть жива, безобразно тоща

Надрывается лошадь-калека

Непосильную ношу влача.

Вот она зашаталась и стала.

«Ну!» - погонщик полено схватил

(Показалось кнута ему мало) -

И уж бил ее, бил ее, бил!

Ноги как-то расставив широко

Вся дымясь, оседая назад

Лошадь только вздыхала глубоко

И глядела... (так люди глядят

Покоряясь неправым нападкам).

Он опять: по спине, по бокам
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Все напрасно. Клячонка стояла
Полосатая вся от кнута.
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило
Каждый вставил словечко свое.
Я сердился - и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода
Мы помочь бы тебе и не прочь
Безответная жертва народа, -
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился -
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась - и пошла
Как-то боком, нервически скоро
А погонщик при каждом прыжке
В благодарность за эти усилия
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

1858

На Волге

(Фрагмент)

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь
Все тот же виден монастырь
На острову, среди песков
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей
Заслыша звон колоколов.
Все то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень.
Жар такой
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов

Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой медленной волны
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе; она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо -
Вот догоню!..»
Догнал, поймал, -
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой

К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик, -
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!., колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам
Катаюсь с ними в челноке
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

Тогда я думать был готов
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда -
Когда б, о
Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, -
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.

- Когда-то в Нижний попадем? -
Один сказал: - Когда б попасть
Хоть на Илью... - «Авось придем,
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. - Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,

Тянул бы ляжку, как медведь,
А кабы к утру умереть -
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.

Я этих слов понять не мог.
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был -
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименький, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?

Я не узнал реки родной:

С трудом ступает на песок

Моя нога: он так глубок;

Уж не манит на острова

Их ярко-свежая трава,

Прибрежных птиц знакомый крик

Зловещ, пронзителен и дик

И говор тех же милых волн

Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал

Когда в то утро я стоял

На берегу родной реки, -

И в первый раз ее назвал

Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял

Созвав товарищей детей

Какие клятвы я давал -

Пускай умрет в душе моей

Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы - наивный бред
Обеты юношеских лет
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

1860

Что ни год - уменьшаются силы
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая
Что стоишь ты на верном пути
Что твой пахарь, поля засевая
Видит ведреный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

Надрывается сердце от муки
Плохо верится в силу добра

Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, -
Что-то шепчут зеленые травы
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок
Бык с землей вырывает траву
А в лесу белокурый ребенок -
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат
Разом слышны - напев соловьиный
И нестройные пiski галчат
Грохот тройки, скрипенье подводы
Крик лягушек, жужжание ос
Треск кобылок, - в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...

Оглушенный, подавленный им
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим -
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1862

Памяти Добролюбова

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслаждения
Ты отвергал, ты чистоту хранил
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой
И светлый рай, и перлы для венца

Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час

И вещее перо из рук упало.

Какой светильник разума угас!

Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись

И высоко вознесся ты над нами...

Плачь, русская земля! но и гордись -

С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты

И в недра не брала свои обратно:

Сокровища душевной красоты

Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей

Ты иногда не посылала миру

Заглохла б нива жизни...

1864

Железная дорога

Ваня (в кучерском армячке).

Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке).

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Славная осень! Здоровый, ядреный

Воздух усталые силы бодрит;

Лед неокрепший на речке студеной

Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели

Выспаться можно - покой и простор!

Листья поблекнуть еще не успели

Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи

Ясные, тихие дни...

Нет безобразья в природе! И кочи

И моховые болота, и пни -

Все хорошо под сиянием лунным

Всюду родимую Русь узнаю...

Быстро лечу я по рельсам чугунным

Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умною Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот Ваня, был страшно громаден -
Не по плечу одному!

В мире есть царь: этот царь беспощаден
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие - в страшной борьбе
К жизни воззав эти дебри бесплодные
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,

Столбики, рельсы, мосты.

А по бокам-то всё косточки русские...

Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!

Топот и скрежет зубов;

Тень набежала на стекла морозные...

Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,

То сторонами бегут.

Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную

Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом

С вечно согнутой спиной

Жили в землянках, боролися с голодом

Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники, '

Секло начальство, давила нужда...

Всё претерпели мы, божий ратники

Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!

Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого -
Это всё братья твои - мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою
Ты уж не маленький!.. Волосом рус
Видишь, стоит, изможден лихорадкою
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие
Язвы на тощих руках;
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую

Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ
Вынес и эту дорогу железную -
Вынесет все, что Господь не пошлет!

Вынесет все - и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только - жить в эту пору прекрасную
Уж не придется - ни мне, ни тебе.

Ш

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул - исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, -
Ваня сказал: - Тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители

Вдруг появились - и он мне сказал:

- Вот они - нашей дороги строители!..»

Захохотал генерал!

- Был я недавно в стенах Ватикана

По Колизею две ночи бродил

Видел я в Вене святого Стефана

Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий

Логика ваша немножко дика.

Или для вас Аполлон Бельведерский

Хуже печного горшка?

Вот ваш народ - эти термы и бани

Чудо искусства, - он всё растаскал!

«Я говорю не для вас, а для Вани...»

Но генерал возражать не давал:

- Ваш славянин, англосакс и германец

Не создавать - разрушать мастера

Варвары! дикое скопище пьяниц!..

Впрочем Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали

Детское сердце грешно возмущать.

Вы бы ребенку теперь показали

Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые

Кончены - немец уж рельсы кладет.

Мертвые в землю зарыты; больные

Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...

Крепко затылки чесали они:

Каждый подрядчику должен остался

Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку -

Брал ли на баню, лежал ли больной:

«Может, и есть тут тепереча лишку

Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане - почтенный лабазник
Толстый, присадистый, красный, как медь
Едет подрядчик по линии в праздник
Едет работы свои посмотреть.

Праздний народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.., молодца!..»

С богом, теперь по домам, - проздравляю!
(Шапки долой - коли я говорю!) -
Бочку рабочим вина выставляю
И - недоимку дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей - и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?

1864

Н. Г. Чернышевский

(Пророк)

Не говори: «Забыл он осторожность!

Он будет сам судьбы своей виной!..»

Не хуже нас он видит невозможность

Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире

В его душе нет помыслов мирских. « Жить для себя возможно только в мире

Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он - и смерть ему любезна.

Не скажет он, что жизнь его нужна

Не скажет он, что гибель бесполезна:

Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли

Но час придет - он будет на кресте;

Его послал бог Гнева и Печали

Царям земли напомнить о

Христе.

1874

Элегия

(А. Н. Кракову)

Пускай нам говорит изменчивая мода
Что тема старая - «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна, -
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам
Как тощие стада по скошенным лугам
Оплакивать их рок, служить им будет муза
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет
К народу возбуждать вниманье сильных мира
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил - и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин

Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...

Я видел красный день: в России нет раба!

И слезы сладкие я пролил в умиление...

«Довольно ликовать в наивном увлеченье, -

Шепнула муза мне, - пора идти вперед:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?...»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою

Старик ли медленный шагает за сохою

Бежит ли по лугу, играя и свистя

С отцовским завтраком довольное дитя

Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы -

Ответа я ищу на тайные вопросы

Кипящие в уме: «В последние года

Сносней ли стала ты, крестьянская страда?

И, рабству долгому пришедшая на смену

Свобода наконец внесла ли перемену

В народные судьбы? в напевы сельских дев?

Иль так же горестен нестройный их напев?...»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами

По нивам, по лугам, уставленным стогами

Задумчиво брожу в прохладной полутьме

И песнь сама собой слагается в уме

Недавних, тайных дум живое воплощенье:

На сельские труды зову благословенье
Народному врагу проклятия сулю
А другу у небес могущества молю
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы
И лес откликнулся... Природа внимлет мне
Но тот, о ком пою в вечерней тишине
Кому посвящены мечтания поэта, -
Увы! не внимлет он - и не дает ответа...

1874

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных -
Все порвалось; мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1876-1877

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба -
Не плачь! завиден жребий наш
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский - взглянет без любви
На эту бледную, в крови
Кнутом иссеченную Музу...

1876-1877

Комментарии

В дороге.

Это первое стихотворение, показанное молодым Некрасовым Белинскому, высоко его оценившему. «Да знаете ли вы, что вы поэт, и поэт истинный!» - воскликнул великий критик. Таким образом, стихотворение знаменует начало нового (после неудавшейся книги «Мечты и звуки») этапа в становлении Некрасова-поэта. Даже более того: в стихотворении предсказана вся лирика шестидесятников с ее анализом крестьянской жизни.

Рекрутский набор - набор в армию новобранцев, которым предстояло служить 25 лет.

Варган - орган, т. е. фортепиано.

«Перебрал по ревизии души и с запашки ссадил на оброк...» - раз в 5-10 лет в помещичьих имениях проводилась перепись «душ», т. е. крестьян.

Коты - теплая обувь, женские полусапожки.

«Я за то глубоко презираю себя...» В ранних изданиях печаталось с подзаголовком «Из Карры», т.е. 2-й половины XIX в. Незадолго до смерти Некрасов охарактеризовал это стихотворение как «искреннее». Оно очень характерно для лирического героя Некрасова 40-х гг.

Перед дождем.

Создавая настроение, рисуя типичный осенний среднерусский пейзаж, Некрасов вносит в него социальную ноту (две последние строки), усугубляя гнетущее ощущение. В этом проявилось новаторство Некрасова как народного поэта.

Тройка.

Есть предположение, что героиня этого стихотворения - вывезенная матерью поэта, Еленой Андреевной (урожденной Закревской), крепостная девушка Катерина. «Взгляд один чернобровой дикарки», «Вьется алая лента игриво в волосах твоих черных, как ночь» - все это не очень похоже на северную крестьянку, но прямо ложится на традиционный портрет южанки, «чернобривой» хохлушки.

Однако поэт создает здесь именно тип, предсказывает крестьянской девушке традиционно безрадостную судьбу русской женщины-крестьянки. Тема перекликается со стихотворением Ф. И. Тютчева «Русской женщине».

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Редко кто из поэтов не обращался к своей музе. Лики муз в русской поэзии бесконечно разнообразны, и муза Некрасова - одна из самых ярких. Сравните его стихотворения «Замолкни, Муза мести и печали!..», «Муза», «О Муза! я у двери гроба!..» и др.

На Сенной площади в Санкт-Петербурге 40-х гг. XIX в. публичные наказания уже не производились, там был полицейский участок, где наказывали мелких правонарушителей из бедноты. Однако важнее здесь символический образ народного страдания и параллельно - страдания от цензуры некрасовской музы «мести и печали» - народной заступницы.

Несжатая полоса.

Образ пахаря, сеятеля в поэзии Некрасова является символом просветителя, «сеятеля знания на ниву народную». В то же время стихотворение, знаменуя становление у поэта эпического мироощущения, является одним из тех, где природа напрямую входит в творчество поэта - не как пейзаж, а как мощное всеопределяющее жизненное начало. В этих же категориях явлена картина

всеохватного умирания: природа, крестьянская полоса, личная судьба. Голос крестьянина и голос поэта. Это не аллегория с ее подменой одного другим. Это слиянность символа.

«Замолкни, Муза мести и печали!..»

Образ музы имеет глубокие и очень древние корни. В русскую поэзию он пришел из античной литературы, где поэзия считалась делом божественным: художнику-творцу помогала муза, посланница неба, появление ее было знаком избранности, высочайшего предназначения человека. У каждого вида искусства была своя муза-покровительница. Поэту помогала Каллиопа. Обращение к ней в самом стихотворном тексте было своего рода ритуалом. Эту традицию впоследствии продолжила литература классицизма, которая во всем ориентировалась на античные образы. Есть образ музы и в романтической поэзии, трактовавшей труд художника как чистое служение Богу и Духу. Здесь муза обретает черты «прекрасной девы», «чистого гения», «таинственной незнакомки». Обращаясь к такой музе, художник неизменно уходит от конкретики образа, и это вполне естественно: ведь она - существо другого мира, она эфирна, непостижима, непредсказуема и подвластна неведомым простым смертным законам духовной жизни. К середине прошлого века муза совершенно «теряет популярность» и сходит «со сцены». Появление ее в поэзии 40-х гг. достаточно неожиданно. Но Некрасову необходимо было утвердить особое место своей поэзии, дать понять, что роль, которую играет она в обществе, - исключительна и ни на что не похожа. Нетрадиционное решение привычного для читательского сознания образа стало знаком перемены, началом новой традиции. Некрасов являлся родоначальником особой поэзии - поэзии социальной, для которой нет запретных и непоэтических тем. Суть настойчивого обращения к музе, закономерность ее появления в поэтическом мире Некрасова состоит в том, что он хочет показать и доказать всем, что его дело освящено, что «в самых высоких инстанциях» ему выпало быть поэтом и писать о самом больном и страшном в жизни народа.

«Внимая ужасам войны...»

Написано во время Крымской кампании 1854-1855 гг., которая очень волновала Некрасова (одно время он сам стремился ехать на фронт), а также под впечатлением «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого. В стихотворении Некрасов выразил, как никто, самую суть материнства: его страшную обреченность, его неподвластность ничему и его несравнимость ни с чем, его стихийность. Поэтому-то взаимопроникнуты образы плакучей ивы и плачущей матери.

Школьник.

Цензор с неудовольствием отметил, что в стихотворении «автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа». Интерес поэта к теме не случаен. В 1861 г. Некрасов отправляет директору ярославского лицея прошение об открытии на родине, в Абакум-цеве, школы «для обучения крестьянских детей грамоте». Дом пожертвовал для школы отец поэта, а обустройством занялся брат Федор. Поэт высылал книги для школы. «Училище может быть открыто для всех желающих детей, - писал он священнику отцу Иоанну, - посему Вы можете... принимать в него всякого, кому захочется учиться». С 1964 г. стихотворение входило во все школьные хрестоматии.

Архангельский мужик - М. В. Ломоносов.

Поэт и Гражданин.

В диалоге Поэта и Гражданина Некрасов выразил свое понимание идейного, общественно полноценного искусства. Некрасов подчеркивал программное значение этого стихотворения, поместив его в самом начале книги «Стихотворения Н. А. Некрасова» и выделив особым шрифтом. В стихотворении много прямых и скрытых цитат из Пушкина. В целом стихотворение воспроизводит форму «Разговора книгопродавца с поэтом». «А ты, поэт! Избранник неба!» - цитата из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа». Провозглашенное Пушкиным требование независимости поэзии от власти и от народа, представление о поэте как о Богом вдохновенном творце,

было подхвачено романтиками второй волны под лозунгами: «Искусство для искусства» или «Чистое искусство». Стихотворение «Поэт и толпа» они считали программным для себя. Однако в устах Пушкина формула «Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв, мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв» звучала иначе, чем у его последователей. Поэты середины и 2-й половины XIX в., в отличие от всеобъемлющего гения Пушкина, ставят и решают частные проблемы, и не всегда можно было ясно увидеть, во имя каких художественных задач они уклоняются от обсуждения вопросов жизни и принимают позу небожителя. Поэтому противоположная, некрасовская точка зрения возникла закономерно. Он стремился поставить поэзию на службу народу. Крылатая антитеза «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» - ответ Рылееву, утверждавшему: «Я не поэт, а гражданин».

Стихотворение «Поэт и Гражданин» (не «Поэт-гражданин», как у Рылеева) - это и провозглашения, и смятенность, и утверждения, и откровения. Каждый его тезис рождает антитезис: противоречия есть и внутри «поэта», и внутри «гражданина». А единственный безусловный «синтезис» - непререкаемое абсолютное начало, утверждающееся в этих стихах, - Пушкин. И когда поэт восклицает: «Спаситель Пушкин!» - то это вопль самого Некрасова. Такая апелляция к Пушкину рассматривалась у нас часто как «колебания» Некрасова в сторону либералов. Но ведь истинность стихов Пушкина в стихотворении признает не только поэт, но и гражданин. Пушкин, восславивший свободу вслед Радищеву, прав, утверждая, что «мы рождены для вдохновения»; возражения же относятся к поэту, который «не Пушкин». Вот так решается здесь для Некрасова проблема Пушкина. Совсем не так, как для Чернышевского и, позднее, для Добролюбова.

Тишина.

Становление Некрасова - «религиозного» поэта прямо связано с его становлением как поэта народного и национального. У Некрасова нет «чистой» религии. У него она скорее обозначение народных, национальных черт: подвижничества, самоотвержения, способности к высокому страданию. В стихотворении заключена не только сила религиозного чувства, но поднятое на уровень религиозности чувство, с которым поэт стремится

припасть к источникам народной жизни, жажда общения с ее духом... сам Бог здесь присутствует только как Бог угнетенных, и только в этом смысле он вообще Бог.

«В столицах шум, гремят витии...»

Стихотворение показалось цензуре подозрительным, так как оно, «выражая в первых двух стихах слишком звучными стихами деятельность наших столиц, совершенно противоположную какому-то безотрадному положению остальной части России, может подать повод «к различным неблагоприятным толкам». Запрещенные цензурой стихи были опубликованы только в 1861 г. Сравните с фразой из письма Л. Н. Толстого: «В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходят патриархальное варварство, воровство и беззаконие».

Интересна аналогия с эпизодом из «Поднятой целины» М. Шолохова: «Москва противостоит ночному пространству Гремячего Лога, как парный член оппозиции «звук-тишина». В то время как Москва переполнена звуками, в Гремячем Логу «стынет глухая тишина».

Поэт мечется в поисках ответа на вопрос о природе этой «тишины». Вот один:

Над всею Русью тишина,
Но - не предшественница сна.
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.
(«Тишина»)

Второй - заключен в ранней редакции комментируемого стихотворения:

Над всей Россией беспредельной
Стоит такая тишина,
Как будто впала в сон смертельный
Давно дремавшая страна.

В конце концов этим вариантом предпочтена констатация: «Там вековая тишина».

Песня Еремушке.

Это стихотворение стало знаменем демократической этики. Добролюбов писал: «Помни и люби стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости». Призыв к революционному подвигу в этом стихотворении бесспорен. «Дидактизм» заключается не в поучительности стихотворения, а в его условности. В сущности, некрасовское произведение есть политическая и поэтическая прокламация. Идея высшего человеческого подвига определила весь художественный строй стихотворения. Его можно обозначить как максимализм. Значима, однако, и концовка стихотворения, игнорировавшаяся современной Некрасову разночинной молодежью, считавшей «Песню» своим гимном, но отнюдь не случайная. В совмещении пророческого «И тогда-то...» со старой песней отразился взгляд поэта в будущее, еще не ясное, надежда и неуверенность.

Размышления у парадного подъезда.

В легальной печати стихотворение появилось лишь через 5 лет после написания. До этого было напечатано в «Колоколе» без имени автора. А. И. Герцен, публикуя стихотворение в «Колоколе», снабдил его примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет

возможности не поместить». Стихотворение - ключевое для конца 50-х гг., сведшее в себе основные настроения и поэтические особенности Некрасова этого времени. Н. Г. Чернышевский утверждал, что строка «Иль судеб повинуюсь закону» под нажимом цензуры заменила нечто иное, вроде «Иль покорный царю и закону...». Однако в противостоянии цензуре Некрасов часто свою мысль углублял и усиливал. Главный вопрос - в законах судеб народных во всей сложности и во всем объеме. Главный к народу вопрос: «...Духовно... навеки почил?» Если да - все кончено, если нет - все спасено. А. Я. Панова в своих воспоминаниях утверждает, что стихотворение было написано под впечатлением действительного случая: против окон квартиры Некрасова находился подъезд квартиры министра государственных имуществ; Некрасов однажды увидел дворников и городского, гнавших от подъезда иззябших крестьян-просителей. Некрасов «сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и уселся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда».

Пилигримы - странники.

Аркадская идиллия - область древней Греции, изображается поэтами-идилликами как страна блаженной, беспечной жизни пастухов.

«По торжественным дням... записав свое имя и звание...» - в праздники подчиненным вменялось в обязанность поздравлять своих начальников или хотя бы делать запись в специальной книге у швейцара.

Лепта - мелкая римская монета, в переносном смысле - вклад, в данном случае - взятка.

«У подъездов судов и палат...» - палатами назывались многие российские государственные учреждения.

«Под жестокой рукой человека...»

«Прочтите эти страдальческие песни сами, - писал Ф. Достоевский, - и пусть вновь оживет наш любимый, страстный поэт!» Уличная сценка, представленная в стихотворении, становится трагической картиной всего мироустройства, какого-то вселенского зла, явленного в образе русского кнута. Об избиении лошади человеком Некрасов единственный написал так, что картина стала несмываемым знаком - клеймом нашей жизни и нашей литературы. Нет, это не бытовая сцена, не уличная зарисовка. Здесь страшная символическая картина обезчеловечивания целого мира. Здесь Некрасов представил, может быть, самую страшную из своих картин страдания. Через много лет молодой Маяковский напишет свое стихотворение «Хорошее отношение к лошадям», восходящее к Некрасову и к Достоевскому, включившему пересказ некрасовского сюжета в «сон» Раскольникова в «Преступлении и наказании».

На Волге.

Неизменная и давняя фольклорная героиня, Волга, вошла в русскую литературу только с Некрасовым. «Колыбель моя» - не поэтический образ, но точное обозначение роли, которую сыграла эта великая река в жизни Некрасова. Его детство прошло на волжских берегах, он наблюдал нечеловечески тяжелый труд бурлаков, слышал их «песню-стон» и многократно воссоздал ее в своих стихах. Чисто русское ощущение природы, простора - тоже отсюда. По свидетельству Н. Г. Чернышевского, здесь Некрасов почти буквально передал стихами разговор двух бурлаков, слышанный им в детстве.

Бечева - крученный веревочный трос с лямками, в который впрягались бурлаки; также речная отмель, по которой передвигались бурлаки, таща судно.

«Что ни год - уменьшаются силы...»

Стихотворение написано до 19 февраля 1861 г., когда был опубликован манифест об освобождении крестьян.

«Надрывается сердце от муки...»

Стихотворение написано в то время, когда шли процессы Н. Г. Чернышевского, М. Л. Михайлова, Н. А. Серно-Соловьевича.

Памяти Добролюбова. Впоследствии Некрасов сделал к стихотворению примечание: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов». Н. А. Добролюбов (1836-1861) - знаменитый русский критик, соратник Некрасова. Материалист по своим философским взглядам, Добролюбов проповедовал изображение явлений жизни «с народной точки зрения». Главным в литературной критике Добролюбова была публицистика, живая, волнующая и страстная. Некрасов принимал деятельное участие в судьбе Добролюбова. Сам Добролюбов в своем предсмертном (1861) стихотворении признавался:

Проведши молодость не в том, в чем было нужно,
И в зрелые лета мальчишкою вступив,
Степенен и суров я сделался наружно,
В душе же, как дитя, и глуп, и шаловлив.

«Добролюбов, - писал Н. Бердяев, - был человек чистый, суровый, серьезный, лишенный всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть».

Железная дорога. Цензор писал об этом стихотворении: «...Представляет сооружение этого пути - Николаевской железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой - результатом притеснения народа со стороны

правительства» и называл стихотворение «наглой клеветой», которую «нельзя без содрогания читать». Чудо прогресса - Николаевская железная дорога, связывающая Москву и Петербург, становится для Некрасова поводом для размышления над исторической судьбой народа. Железная дорога - символический образ России, ее пути в будущее, через тяжелые испытания и жертвы.

Пальто на красной подкладке носили генералы.

Граф П. А. Клейнмихель - министр путей сообщения. Из цензурных соображений Некрасов заменил этим именем царя Николая I, считавшего себя главным строителем железной дороги.

Св. Стефан - старинный собор в Вене.

Колтун в волосах - болезнь, при которой волосы склеиваются в плотную массу.

Аполлон Бельведерский - знаменитая статуя греческого бога Аполлона. «Или для вас Аполлон Бельведерский хуже печного горшка?» - генерал имеет в виду стихи А. С. Пушкина:

Тебе бы пользы все! На все

Кумир ты ценишь Бельведерский:

Ты пользы, пользы в нем не зришь!

Но мрамор сей ведь бог! - так что же?

Печной горшок тебе дороже:

Ты пищу в нем себе варишь!

Термы - древнеримские бани.

Подрядчик - промышленник или купец, нанятый государством для производства каких-либо работ.

«И - недоимку дарю». - Прощаю все долги.

Н.Г.Чернышевский (Пророк).

Посвящено Н. Г. Чернышевскому. С 1853 по 1861 г. Н. Г. Чернышевский работал в журнале «Современник», заведя главными отделами. Некрасов любил и ценил Чернышевского как ученого, критика, публициста, просто как соратника, считал его человеком высочайшего ума и благородства. В 1862 г. Чернышевский был заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к 14 годам каторжных работ на рудниках с последующей высылкой в Сибирь навсегда. Вернулся из ссылки в 1883 г. и умер в Саратове (в столицах жить ему было запрещено) в 1889 г. В стихотворении создан предельно обобщенный образ героя-жертвы, восходящий к Христу. Н. Г. Чернышевский был дорог Некрасову как соратник и сподвижник, но еще более - как пример величайшего подвига - самопожертвования по имя высшей идеи. Именно поэтому герой стихотворения практически не наделен никакими личностными чертами.

Элегия (А. Н. Еракову).

Некрасов назвал это стихотворение самым задушевным и любимым из написанных им в последнее время. «Я видел красный день: в России нет раба!» - Некрасов говорит о реформе 6 марта 1861 г. - освобождении крестьян от крепостничества. «Современник» в лице своих публицистов, и главным образом Чернышевского, скептически отнесся к освобождению крестьян, коль скоро оно оказалось одновременно по сути «освобождением»

от земли. И все же Некрасов приветствует даже это, половинчатое, освобождение.

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,
Так!., но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу.

«Элегия», написанная через 13 лет после начала реформы, как бы подводит итоги этим «надеждам».

«О Муза! я у двери гроба!..»

По свидетельству сестры Некрасова, это стихотворение было последним, которое он написал.

Краткая хроника жизни и творчества Н. А. Некрасова

1821, 28 ноября (10 декабря)

В семье отставного поручика Алексея Сергеевича и Елены Андреевны Некрасовых родился сын Николай.

1824-1832

После выхода А. С. Некрасова в отставку семья переехала в село Грешнево Ярославской губернии.

1838

Приезд Н. А. Некрасова в Петербург, неудачная попытка поступления в университет.

1840

Выход первого сборника стихотворений «Мечты и звуки», тираж которого был почти полностью уничтожен Некрасовым.

1841

Смерть матери.

1842

Знакомство с В. Г. Белинским. 1844-1845

Сближение с В. Г. Белинским. Выходит под редакцией Н. А. Некрасова в свет альманах «Физиология Петербурга», который отразил эстетические искания «натуральной школы».

1846

В некрасовском альманахе «Петербургский сборник» напечатаны стихотворения «В дороге» и «Колыбельная песня».

1847

Начало некрасовского «Современника».

1848

Цензурные преследования «Современника». По доносу Ф. Булгарина Некрасова вызывают в III Отделение. За Некрасовым установлено тайное наблюдение.

1853

Пишет цикл «Последние элегии».

1854

Приход в редакцию «Современника» Н. Г. Чернышевского.

1856

В связи с отъездом за границу Н. А. Некрасов передает редакторские обязанности Н. Г. Чернышевскому.

Выход сборника «Стихотворения Н. А. Некрасова», который имел успех.

1857

Возвращение Н. А. Некрасова на родину. Приход в «Современник» Н. А. Добролюбова.

1859

Редакцию «Современника» покинул И. С. Тургенев.

1861

Смерть Н. А. Добролюбова. Написана поэма «Коробейники». Выход второго издания «Стихотворений Н. А. Некрасова».

1862

Арест Н. Г. Чернышевского. Первое запрещение «Современника» и приостановка его издания на 8 месяцев.

1863

Возобновление выхода «Современника». Создание поэмы «Мороз, Красный нос». Начало работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

1866

Закрытие «Современника».

1868

Выход первого номера нового журнала Н. А. Некрасова «Отечественные записки» с поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

1871-1872

Создание поэм «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня Волконская».

1876

Работа над четвертой частью поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

1877

Выход в свет книги «Последние песни».

1878, 27 декабря (8 января 1870)

Умер Н. А. Некрасов. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге.

Анализ стихотворений

«

В дороге»

Стихотворение «В дороге» написано в 1845 г. В. Г. Белинский, критически относясь к подражательным стихам Некрасова из его первого сборника «Мечты и звуки», восторженно приветствовал это стихотворение,

воскликнув: «Да знаете ли вы, что вы - поэт, и поэт истинный?!» Что же дало критику основание сразу увидеть в Некрасове «истинного поэта»? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно вчитаться в текст стихотворения. Совокупность трех аспектов определяет идейно-художественную значимость стихотворения «В дороге» - идеологического, нравственно-психологического и эстетического. В этом стихотворении противопоставлены два мира: мир господ, по милости которых гибнут ни в чем не повинные жертвы, и мир бесправных крепостных крестьян, которые не могут распоряжаться ни своей жизнью, ни судьбой, ни трудом. Все сочувствие, все симпатии поэта - на стороне обездоленного крестьянства. Социальный аспект стихотворения необычайно остр; из-за барской прихоти искалечена жизнь двух молодых людей. Это само по себе вызывает негодование. Однако обличительным пафосом не исчерпывается художественное содержание стихотворения. Внутренний драматизм здесь глубже, и чтобы понять это, необходимо творческое воображение. О духовной стороне драмы не сказано прямо, ее нужно почувствовать, увидеть во внешних событиях и обстоятельствах. Внешняя тяжесть жизни Груши очевидна, хотя не стоит преувеличивать неспособность бедной женщины к физическому труду. Слова ямщика: «Белоручка, вишь ты, белоличка» и «Ни косить, ни ходить за коровой...» - не надо воспринимать чересчур прямолинейно. Обратите внимание на слова: «Грех сказать, чтоб ленива была» и «При чужих и туда, и сюда, / А украдкой ревет, как шальная», - ведь ими частично опровергается иронически осуждающий оттенок названия «белоручка». У Груши нет презрения к физическому труду: просто ей действительно не под силу та сверхтяжелая, почти мужская работа, какая извечно лежала на плечах русской крестьянки. Это чувствует сам ямщик:

Как дрова или воду несла,

Как на барщину шла - становилось

Инда жалко подчас...

Вина господ не только в том, что они оторвали Грушу от привычной среды, не приучили к работе. Задумаемся о другом: внимание ямщика сосредоточено на бытовых, внешних обстоятельствах. О том, что жена «на какой-то патрет все глядит да читает какую-то книжку», он говорит мимоходом. Но ведь эти слова не могут не стать источником размышлений о

духовной стороне драмы, о нравственных страданиях Груши. Что томит ее, кроме работы? Почему она плачет - только ли от непосильного труда? На какой портрет глядит она? Обо всем этом не особенно задумывается ямщик, но читатель не должен ограничиваться поверхностным взглядом. Может быть, на портрете Груша видит человека, которого раньше любила? Такое мнение психологически неоправданно: жена-крестьянка не могла бы открыто, на глазах у мужа предаваться тоске по другому. Вернее предположить, что это может быть писатель или поэт, с книжкой которого Груша не расстается; человек, вызвавший в ней стремление к осмысленной жизни, настоящей любви, счастью. У научившейся «на варгане играть и читать» Груши пробудилось сознание, созрела душа. И физические тяготы, быть может, менее страшны крепостной крестьянке, чем духовное одиночество. Ямщик не способен ее понять. Характерно: ее заботу о сыне, элементарную, по нашим понятиям, он воспринимает как необычную, как «дворянское баловство». А Груша своего-то сынишку

Учит грамоте, моет, стрижет,

Словно барченка, каждый день чешет,

Бить не бьет...

Чистота, грамотность, отсутствие побоев непривычны для ямщика, отсюда его страх: «...Погубит она и сынишку».

Можно негативно, «от обратного», судить, каков же повседневный крестьянский быт... Рядом с Грушей нет никого, кто бы понял ее. Заботы о сыне, хоть и утешают, не могут не принести новую боль: какая судьба ждет его? Стремление к счастью, разбуженное воспитанием, приобщением к культуре, неосуществимо в тех социальных условиях, в которые Груша поставлена. Этим определяется внутренний драматизм рассказанной ямщиком истории. Судьба Груши вызывает у читателей глубокое сочувствие. Это естественно - она более всего страдает, более всего «без вины виновата». Даже муж называет ее «злодейка-жена». А все «злодейство» ее в том, что нет ни физических, ни душевных сил для жизни. Но и ямщику досталась нелегкая доля, мимо его изломанной судьбы и страданий тоже нельзя пройти равнодушно. Он искренне сокрушается, что жена сохнет и вот-вот сойдет в

могилу. По-своему он жалеет Грушу, готов ее не только «одевать и кормить», но и «потешать». Он «не томит» ее тяжелой «безустанной работой», почти не бьет («разве только под пьяную руку»). Дело не в том, что пьяным ямщик мог бывать достаточно часто. Важны его субъективные чувства и намерения. Виновен ли он, заслуживает ли упрека за то, что не в состоянии понять жену, что для него она хоть и страдалница, но и «злодейка» тоже? Он ведь тоже по-своему - жертва господ: женили его помимо воли, согласия в семье не сложилось, впереди - вдовство и одиночество. Он способен душевно отнестись к жене («Без пути не бранил, / Уважал, тоись, вот как...»). Правда, трагичности происходящего с ней он не понимает. Но ведь и она не делит с ним его душевных забот. Каприз господ изломал жизнь обоим: нравственные, психологические и социальные причины трагедии крестьянской семьи взаимосвязаны. Таким образом, сфера лирического у Некрасова расширена, лирика вбирает в себя элементы социально-психологической прозы и обогащается возможностями нового способа выражения авторского сознания.

Необходимо отметить, что автор в данном случае не «совпадает» ни с одним из своих лирических персонажей: он стоит и за «барином», и за «ямщиком»: каждый из героев говорит «от себя» и видит свой мир, а автор вмещает в свое сознание и мир «барина», и объемность лирического повествования. В стихотворении жизнь представлена многослойно, страдание почувствовано вдвойне или даже втройне: оно и от горя мужика, и от горя несчастной Груши, и от горя народной жизни.

«Тройка»

«Тройка» - первая у Некрасова обобщенная картина крестьянской женской «доли» и первый эскиз народного женского образа. Это произведение стало русской песней, вошло в фольклор, что свидетельствует о его глубокой народности. Однако за исключением одной этнографической детали («алая лента... в волосах») и одного фразеологического клише («сырая могила») в стихотворении нет предметных и словесных примет устной народной поэзии. Соответствия фольклорным канонам обнаруживаются скорее в сюжетно-композиционном рисунке «Тройки», основой которого стало противопоставление девичества и замужества.

В поисках способов изображения народной жизни Некрасов не мог, и тем более поначалу, не опираться на ее фольклорные образы и в данном случае использовал устно-поэтический мотив в качестве одного из средств типизации своей картины. Фольклорные истоки сюжетно-композиционного плана «Тройки» подчеркивались и традиционными образами «веселых подруг» героини (здесь характерно уже произошедшее отделение героини от своего девического круга), а затем нелюбимого мужа и злой свекрови.

Тема дороги, ямщика, тройки восходит к народным дорожным и ямщицким песням. О стереотипности поэтического образа тройки Некрасов хорошо знал. Между тем поэт вновь обратился к уже исчерпанному, казалось бы, мотиву, рассчитывая на заложенные в нем национально-демократические оттенки, а также на возможности его обновления социальной темой: близость традиционной поэтичности способствовала поэтическому освоению таких областей действительности, которые раньше поэтизации не поддавались и были лирике недоступны. Образно-стилистический ряд стихотворения позволяет воспринимать его как песенно-романсовое произведение; однако романсом стала лишь первая часть стихотворения, лирический эпизод встречи героини с «проезжим корнетом» и ее сердечной «тревоги». Романтические мотивы народной лирики переплетались здесь с любовной темой, также решенной Некрасовым в традициях романтизма, но только сложившихся на поздних этапах его литературной истории, во второй половине 1830-х гг.

В центре первой - романсовой - части стихотворения - портретное описание героини:

...Вьется алая лента игриво

В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой

Пробивается легкий пушок,

Из-под брови твоей полукруглой

Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,

Полный чар, зажигающих кровь...

Данный фрагмент всецело воспроизводит стилевую атмосферу позднеромантической лирики. Экзотичность образа, его яркая, «жгучая» цветовая живописность, своеобразный максимализм словесных приемов - все эти художественные черты выдавали в авторе «Тройки» поэта, прошедшего школу романтизма 1830-х гг.; в дальнейшем они были чужды главным тенденциям его поэтики и даже уже чужды поэтике второй части самой «Тройки».

Стихотворение «Тройка» монологично, и все романтические элементы его стиля принадлежат одному голосу автора. Задумав создать женский народный образ, Некрасов еще не знал иных возможностей его поэтического оформления, кроме приемов любовной лирики, а это повлекло за собой и всю ее новейшую поэтику. Поэтика приведенных нами строк стихотворения - это романтическое наследство, воспринятое Некрасовым в годы его вступления в литературу: с одной стороны, патетическое - «Взгляд один чернобровой дикарки, / Полный чар, зажигающих кровь»; с другой - почти «галантерейное»: «Вьется алая лента игриво» и «Смотрит бойко лукавый глазок».

Романтическая литература создала устойчивую и повторяющуюся у разных авторов типологию женских характеров и обликов: различались два типа идеальной красавицы: восточная женщина с черными глазами и прекрасная христианка, голубоглазая и светловолосая. Оба этих образа осуществляли видение безусловной красоты и женственности. В высокой литературной культуре раннего романтизма восточный и европейский женские типы выступали зачастую равноправно, отражая трагическую неразрешимость романтического философского конфликта, сохраняя в себе, как Зарема и Мария в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, все большее содержание этого конфликта.

Женский образ «Тройки» был обязан своим поэтическим оформлением именно этой позднеромантической ориенталистике. (Ориентальный - восточный.)

Черные, «как ночь», волосы, черные брови, смуглое лицо - все это характерные черты романтического портрета восточной красавицы, и добавление в этот экзотический облик «алой ленты» также не противоречит литературным обычаям романтизма: поэзия 1820-1830-х гг. не раз использовала наружные приметы восточного женского типа в качестве портретных характеристик русских или украинских героинь (Мария в пушкинской «Полтаве»). В поэтическом описании некрасовской крестьянки мелькнул даже отголосок философского контекста, окружавшего некогда у романтиков образ восточной женщины и со временем утраченного: «дикарка».

Формирование некрасовской поэтики в 1840-е гг. сопровождалось, как и становление творческого метода многих других писателей этой эпохи, резким отказом от романтизма.

После «Тройки» мы не найдем у Некрасова романтического женского образа, выступающего в функции образа народного.

Судьба романтического женского типа в некрасовской поэзии отражает один из значительных процессов ее эволюции: из универсальной системы средств художественного освоения жизни романтическая поэтика постепенно превращается у Некрасова в частный прием с ограниченной сферой применения. Эта эволюционная линия, прослеживаемая на протяжении всего творческого пути поэта, в известной мере была задана уже его лирикой, созданной в 1840-е гг., и стихотворение «Тройка» помимо того что давало представление о последних вспышках некрасовского романтизма, предсказывало также и пути его преобразования в позднейшей поэтической работе Некрасова. Уже здесь замысел поэта не уместился в рамки романтического образа, и этот последний был продолжен, как бы надстроен образом иного литературного родства:

Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.
Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть...

Этот второй сюжет стихотворения, развертывающий перспективу жизни крестьянской девушки, резко контрастирует с первым, что сразу и отражается на стиле.

Говоря о столкновении романтической и натуралистической поэтики в стихотворении «Тройка», следует, однако, подчеркнуть, что этим мы вовсе не ставим под сомнение цельность и единство созданного в нем народного образа. Складываясь из художественных элементов разной природы, образ некрасовской героини при этом един, и единство это обуславливается характером авторского взгляда на нее, взгляда, уже увидевшего в народе первооснову национального бытия, но пока еще стороннего, не проникнутого органикой народного мирозерцания, в известном смысле меряющего народную жизнь ценностями социально чуждого ей сознания.

Натуралистическую характерность социального плана «Тройки» обнаруживает такой стилистический признак, как прозаизмы. Будучи лексикой с ослабленным, а в отдельных случаях и исключенным эстетическим значением, прозаизмы не определили всего стилистического

качества «Тройки», но образовали в ее тексте натуралистический отрезок, отличающийся прежде всего недифференцированностью, непосредственностью, первичностью жизненного материала. Здесь сказалось, конечно, не намерение поэта нарисовать отталкивающие образы народной жизни; скорее слышны отзвуки долго державшихся в литературе понятий, согласно которым народный быт не обладал эстетическим потенциалом. Некрасов боролся с этими представлениями, и уже в «Тройке» ставилась задача их преодоления, однако практически творческое ее решение давалось не вдруг.

Подойдя к огромной и лишь первоначально затронутой предшественниками проблеме поэтического изображения народной жизни во всей ее целостности, Некрасов сразу начал искать возможностей эстетического освещения своего предмета. Поэт располагал эстетическими фондами фольклора, с одной стороны, и романтической литературой - с другой. И пользовался ими. Вместе с тем он не мог не сознавать и невозможности распространения этих методов на весь новый материал; оставалась еще реальная действительность, сквозь которую не пробивался свет готовых традиций и художественное освоение которой возможно было поначалу лишь средствами прямого натуралистического слепка. Стихотворение «Тройка» и отразило драматизм данной творческой ситуации поэта, уже нашедшего свое содержание, но еще не создавшего единого метода художественного воплощения разных его сторон. Эстетическое преобразование народной жизни предстало в «Тройке» как соединение нагой «натуры» с той эстетикой, которую можно было почерпнуть из запаса художественных традиций, однако в этом соединении сохранялся заметный стык, проза и поэзия стояли рядом, но друг друга еще не ассимилировали, соседствовали, но не давали синтеза. Весь дальнейший поэтический путь Некрасова стал путем к органическому единству этих найденных в «Тройке» граней образа народного мира. Зрелый Некрасов изображает уже не поэзию и не прозу народной жизни, но поэзию ее прозы, открывая высокое в том, что до него представлялось низким.

Все сказанное менее всего означает, что «Тройка» - не достигнувший своей цели эксперимент начинавшего свой творческий путь поэта. Без «Тройки» было бы невозможно появление некрасовского эпоса. Романтические стороны женского образа «Тройки», обособившись, отошли к дворянским героиням поэта, принцип сочетания идеальных и бытовых характеристик,

впервые примененный Некрасовым в «Тройке», лег в основу его будущих женских народных образов, образов крестьянок со «взглядом цариц». Видимой границы между идеальным и бытовым обликом крестьянской женщины здесь уже нет, идеал естественно растет из быта и не противопоставляется ему, но для того, чтобы это поэтическое открытие состоялось, необходима была первоначальная антитеза «Тройки», уместившаяся, однако, в объем одного образа.

О героине «Тройки» можно сказать и большее. Ни ее романтический портрет, ни натуралистическое описание ее судьбы сами по себе не несли еще поэзии с ярко выраженным национальным значением. Но Некрасов окружил этот свой ранний образ такими лирическими мотивами, в которых непосредственное предметное содержание было едва ли не заслонено символикой национального бытия. Именно в таком значении входили в некрасовское стихотворение дорожные мотивы и образ тройки. Свет этой символики придал героине «Тройки» поэтичность неизмеримо высшую, чем та, которая могла быть заключена в романсовом лиризме или в социально-бытовой драме. В женском образе поэта рождалось национальное олицетворение, которое и было впоследствии утверждено всем образным миром некрасовской поэзии.

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Редко кто из поэтов не обращался к своей Музе, представавшей то резвой, веселой «вакханочкой», то задумчивой, то вольной и шаловливой, то суровой и гневной. Лики муз в русской поэзии бесконечно разнообразны. Совершенно новый образ создан в коротком стихотворении Некрасова.

Прежде всего сразу же возникает необычная конкретность: поэт точно называет время (день, час), место (рыночную площадь в Петербурге), где совершилось событие, врезавшееся в его память и взволновавшее его гражданское чувство. Стихотворение о «высоком» предмете начинается с «низкой» сцены и в тоне простого сообщения, краткой информации, не содержащей ничего поэтического, а, напротив, намеренно сниженной. Самая интонация нейтральна - нет ни гнева, ни жалобы. Все прозаично и обычно.

Слова выбраны обыденные - «вчерашний день», «часу в шестом», «зашел». Особенно удивительно слово «зашел» - с ним сопрягаются ассоциативно такие выражения, как «зашел по дороге», «зашел по пути», «зашел случайно» и т. д. Оттого и последующие стихи («Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую») тоже рисуют как бы привычную, а совсем не исключительную ситуацию. Но второе четверостишие резко переключает всю тему в новый, «высокий» план. И это подчеркнуто лексикой и интонацией. На первое место выдвигаются слова, обладающие устойчивыми поэтическими ассоциациями («звуки», «грудь»). Примечательна тут и замена слова «кнут» на «бич». Еще более неожиданно, что тут же оказывается и Муза как некое лицо, к которому поэт обращается с очень важными и тоже неожиданными словами: «Гляди! Сестра твоя родная!» Так устанавливается кровное родство Музы поэта с крестьянкой.

Поднимая жизненную картину до высочайшего поэтического обобщения, Некрасов вместе с тем сохраняет интимный тон. Между «крестьянкой молодой» и Музой нет никаких преград, они одинаково дороги и близки поэту. Их общность подчеркнута, во-первых, тем, что стихи о крестьянке и Музе замыкают четверостишия и явно соотносятся между собой, а во-вторых, одинаково инверсивным строением фразы («крестьянку молодую» - «сестра твоя родная»). Наконец, драматизм второй части резко контрастирует с обыденностью первой, и это высекает новую поэтическую искру, рождая множество совсем не традиционных реальных и поэтических ассоциаций. Некрасов в коротком стихотворении сумел сказать и о том, что его Муза - сестра униженной и страдающей крестьянки, что она печалится народной печалью, что она тоже подвергается истязаниям, цензурным и иным гонениям, физическому насилию, что она так же бесправна, как и крестьянка, что он, Некрасов, поэт народа, потому что крестьянка символизирует весь народ. Так возникает новый в русской поэзии образ Музы, столь же терпеливой, непреклонной и волевой, как и молодая крестьянка с занесенным над ней бичом. Для полноты картины важно отметить и то, что реальный план совместился в стихотворении с метафорическим, и происшедшее с крестьянкой переносится на ее «родную сестру». Так уже в первые годы творчества (стихотворение написано в 1848 г.) Некрасов образно сказал о своих общественных симпатиях. Но этим содержание стихотворения не исчерпывается: в нем есть еще один план, скрытый, но живо представленный в более позднем стихотворении 1851 г., названном «Муза». Оно посвящено традиционной теме отношений поэта с музой, которая либо оказывает ему

покровительство, либо отказывает в нем. В первой строфе возникает привычный до Некрасова образ музы, которого он, однако, не знал:

Нет, музы ласково поющей и прекрасной

Не помню над собой я песни сладкогласной!

Этот лик музы, ласкающей слух и учащей волшебной гармонии, волнующей поэта «мечтой неясною», бывшей ему «подругой любящей», как признается поэт, ему неведом. Над ним рано «отяготели узы» иной «неласковой и нелюбимой музы»:

Печальной спутницы печальных бедняков,

Рожденных для труда, страданий и оков, -

Той музы плачущей, скорбящей и болящей...

И отношения между музой и поэтом складывались драматично: ее напев был полон тоски и «вечной жалобы». Порою же она плакала или исторгала звуки разгульной песни, иногда побуждала мстить. Подчас же, смиряясь, «шептала надо мной: «Прощай врагам своим!» Вот тогда-то, по откровенному слову поэта, «нелюбимая» муза - потому что такую вечно тревожащую, надрывающую сердце стоном, неласковую и не улаждающую слух гармоничными звуками музу трудно любить - все-таки овладела душой поэта, который, не поддаваясь ее «суровым напевам» и плачу, вступил с ней «в ожесточенный бой».

Но поединок поэта с музой не привел к разрыву - в драматизме борьбы родился «прочный и кровный союз». Поэт учил музу не смиряться, не стихать в гневе, изживать всепрощенческие настроения. Этот оттенок есть и в стихотворении «Вчерашний день, часу в шестом...». Он выражен в том повелительном тоне, в каком поэт обратился к ней: «Гляди!» Здесь заключено предупреждение: не увлекай меня на ложный путь, не делай меня

слабым, ибо того, что ты видишь, нельзя простить. Но и скорбная муза учила поэта песнопенью:

Чрез бездны темные насилия и зла,
Труда и Голода она меня вела -
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

Драматическое, сложное общение поэта с музой мыслится Некрасовым постоянным противоборством двух равных сил, прочный и кровный союз которых держится на неизбывности народных страданий и необходимости сказать о них.

Поэзия Н. А. Некрасова в оценке критиков

А. В. Дружинин

Господин Некрасов много принес жертв временному элементу поэзии, но жертвовал ему не из рутины, не из расчета, не из увлечения чуждым авторитетам, а с полной свободой сознания, вследствие своей организации и склада своего таланта. Он не кидал грязью в алтарь чистой поэзии, но всегда подходил к нему с любовью и благоговением, даже преувеличивая свои слабости и считая себя более недостойным жрецом, чем он был им в самом деле. Он не издевался над высшими проявлениями вечного в поэзии и всегда был готов ответить на призыв Музы, куда бы она его ни увлекала. Оттого мы видим и постоянно будем видеть в Некрасове истинного поэта, богатого будущностью и сделавшего достаточно для будущих читателей. Даже многие из его преднамеренно-наставительных стихотворений нам нравятся, ибо они созданы без усилий и притянутой мысли, - мы очень хорошо знаем, что срок их славы недолог, но и за временное их влияние остаемся вполне благодарными. Этими стихотворениями он привил несколько дельных мыслей в обществе, ими развивает он массы людей малоразвитых и непривычных к пониманию поэзии. В них он был прям и искренен, ими

достигну л всего, что только можно было достигнуть с таким слабым орудием. Но не в дидактике значение Некрасова как поэта настоящего, поэта прочного. Это значение приобрел он энергией своего таланта, рядом картин, достойных кисти мрачного Рембрандта, сотнею строк, исполненных жизни и крови, запечатленных всегда свежим, всегда славным творчеством.

1856

(Из статьи «Стихотворения Некрасова»)

А. Пятковский

Некрасов, как поэт, давно приобрел заслуженную любовь русской публики, и первое издание его стихотворений, раскупленное с невероятной быстротой, доказывает это как нельзя лучше. Но в нашей критике произведения даровитого поэта до сих пор вызывают довольно разноречивые толки. Чисто эстетическая критика к нему не благоволит очевидно и еще не очень давно г. Аполлон Григорьев... объявил, что в поэзии Некрасова «чувствуется какая-то сила, но сила грубая и необработанная». Несомненно, однако же, то, что Некрасов открыл в нашей поэзии новую струю, которая ни у кого не пробивалась с такой полнотою и энергией, и за это он пользуется глубочайшим сочувствием критиков-публицистов по преимуществу. Эта новая струя есть реальный и социальный элемент в его поэзии... Любовь к ближним, низко стоящим в общественной лестнице, сила гражданского чувства и, наконец, замечательное чутье природы, быстро схватывающее все ее рельефные черты, - вот что дает притягательное свойство поэзии г. Некрасова. Эти стороны особенно ценит в нем молодое поколение.

(Из рецензии на стихотворения Некрасова. Книжный вестник. 1861. № 24)

Д. Писарев

Некрасова, как поэта, я уважаю за его горячее сочувствие к страданиям простого человека, за честное слово, которое он всегда готов замолвить за бедняка и угнетенного. Кто способен написать стихотворения «Филантроп», «Эпилог к ненаписанной поэме», «Еду ли ночью по улице темной», «Саша», «Живя согласно с строгою моралью», - тот может быть уверен в том, что его знает и любит Живая Россия.

(Русское слово. 1861. №11)

В. Крестовский

Много уже было и много еще будет впереди толков о Некрасове, много «определений» его таланта, определении самых разнообразных - всех и не перечтешь! Мы возьмем только крайности: одни, вознеся его выше облака ходячего, соорудили ему почти что пьедестал гения, другие низводили его чуть ли не на степень плохого версификатора. К числу последних, конечно, принадлежали поклонники так называемого чистого искусства, для которых желчное вдохновение поэта грустными явлениями обыденной жизни казалось преступлением.

Муза Некрасова, говоря его же словами, - «муза мести и печали», и мы любим и чтим эту злобно-скорбящую музу. Такой поэт, как Некрасов, был нам нужнее всего. Его благородно-резкое, нельстивое слово, вместе с немногими и другими голосами и пропагандой Белинского больно царапало наши отупевшие от апатического сна нервы, хватало за болезненные струны нашего сердца и поддерживало в нас, насколько это было возможно при обстоятельствах времени, энергию. И Некрасов понял смысл своего призвания и служил ему неизменно, не уклоняясь в стороны, не делая никаких уступок и не увлекаясь ложными, хотя и блестящими призраками.

В основе всех задушевнейших произведений Некрасова лежит горячая и искренняя любовь - и, заметьте, любовь гражданская, что составляет главную характеристическую черту Некрасова. Некрасов - поэт-гражданин. Одна только эта горячая любовь и вызывает его слезы, и скорбь, и желчь, и

насмешку. Главная причина его скорби - это отсутствие того идеала, к которому стремится поэт всей душой... Сам Некрасов более всего склонен видеть в себе сатирика, и только сатирика. Мы думаем совершенно наоборот: сатирик-то он именно меньше всего, - он поэт, крепко приросший к почве русской жизни, поэт, сросшийся с нею до того, что вне ее для него ничего не существует, что каждая ее рана, боль и скорбь есть и его рана и скорбь; каждая ее надежда есть в то же время и его надежда.

(Русское слово. 1861. № 12)

Ап. Григорьев

Что осталось от... пламенно протестовавшей литературы сороковых годов? Знаете ли, что для нас уцелело из всей этой эпохи? Стоны сердца одного поэта - да одно некрасовское стихотворение, в котором сжались, совместились все новости сороковых годов, - первое стихотворение, выдвинувшее вперед личность поэта, Вы, конечно, поняли, что я говорю о стихотворении «В дороге», об этой горькой, односторонней, но правдивой в своей односторонности песне об избранной и нежной натуре, загубленной действительностью, с которой она разошлась и которая ее не понимает, не может понять, что это она

На какой-то патрет все глядит,

Да читает какую-то книжку...

Стихотворение Некрасова совместило, сжало в одну поэтическую форму целую эпоху прошедшего. И это, конечно, достоинство немалое. Но оно, это небольшое стихотворение, как всякое могучее произведение, забрасывало сети и в будущее... Не говорю о его форме, о том, что это не подделка под народную речь, а речь человека из народа в нем ослышалась, - нет, всмотритесь в его содержание, в новость постановки старого вопроса... Из стихотворения явно было, что его писал человек с народным сердцем, человек закала Кольцова, что он не сочиняет ни речи, ни сочувствий.

Поэзия г. Некрасова, во множестве случаев дидактическая, поучительная, приправленная очень удобно энергетически-желчными выходками против грязи и недостатков, окружавших молодое поколение, имела успех, какой редко достается на долю поэзии. Благодаря энергии и желчи, поучительность, всегда скучная, особенно в стихах, имела успех, какой редко достается на долю поэзии. Стихотворения г. Некрасова, толкуемые в тот же тон статьями Добролюбова, действовали сильно на юношество, и когда время снесет шумиху безразлично на все падающего негодования, стихотворения Некрасова оставят после себя очень видный шаг в развитии наших общественных чувств. Другое дело, когда вы отнесетесь к этим стихотворениям, как к поэзии, как к всеобъемлющему началу высшего проявления правды в обществе. Тут вы увидите в некоторых случаях однообразие этой поэзии, увидите холодную рассудительность, частое отсутствие живых красок, без которых поэзия жить не может, но которые заменились у Некрасова энергией отрицания.

(Из статьи «Стихотворения Н. Некрасова»)

В. Зайцев

В то время как вся русская молодежь читала, читает и знает наизусть стихи г. Некрасова, литературная критика последних лет большинством голосов отказывала ему не только в тех достоинствах, какие признавались за ним публикою, но и в десятой доле тех, которые та же критика находила в изобилии у гг. Тютчева и Майкова. Нечего и говорить, что главною причиною такой критической оценки было то, что г. Некрасов не только поэт, но и издатель «Современника». Г. Некрасов имеет полное право на название мыслителя. Мало того, это - мыслитель глубокий и честный. В основе его лежит высокая гуманность к своей родине... Я бы назвал г. Некрасова народным поэтом, если бы прозвание это не было замазано эстетиками, прилагавшими его ко всякой нечистоте. Народным поэтом я назвал бы г. Некрасова потому, что герой его песней один - русский крестьянин. Но он говорит о нем, конечно, как человек развитой, как говорил Добролюбов, он не «поет» его, а думает о нем, о его бедах и горе, не

ограничивается объективным изображением страдания, но мыслит о нем и мысли свои, глубокие и светлые, передает в прекрасных свободных стихах, в которые без натяжки укладывается народная речь и которые чужды поэтических метафор и аллегорий... Герои его, кроме народа, - те труженики и страдальцы, которые работали мыслию или делом и хотя не непосредственно, но принесли свою лепту. По предмету своему, по своему герою стихотворения г. Некрасова не имеют равных во всей русской литературе.

(Из цикла статей «Перлы и алмазы русской журналистики»)

Из некролога Н. А. Некрасову

Россия потеряла в нем поэта, который первый сумел заглянуть в сердце простого русского человека и в сильных, невольно запечатлевающих в памяти каждого стихах высказать подавляющую его скорбь и его убогие упования. Молодое поколение прежде всего запоминало стихи Некрасова и по ним училось сочувствовать народному горю и сознавать свои гражданские к народу обязанности. Скорбное известие о смерти Некрасова проникнет в самые отдаленные углы нашего отечества и вызовет искреннее соболезнование о нем, как о могучем общественном деятеле.

(Биржевые ведомости. 1877. № 334)

Г. В. Плеханов

Некрасов явился поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития. Эта эпоха начинается выступлением на нашу историческую сцену образованного «разночинца» («интеллигенции»)тож) и оканчивается появлением на этой сцене рабочего класса, пролетариата в настоящем смысле этого слова. Кто интересуется нравственным и идейным содержанием этой замечательной эпохи, тот найдет в поэзии Некрасова

богатейший материал для его характеристики. Сказать, что Некрасов совершенно лишен поэтического дара, значит высказать мысль, ошибочность которой вполне очевидна. Хотя почти каждое стихотворение Некрасова в целом отличается - как я уже указывал - более или менее значительными погрешностями против требований строгого эстетического вкуса, но зато во многих из них можно найти места, ярко отмеченные печатью самого несомненного таланта.

В доказательство того, что Некрасов своими стихотворениями будил и выражал прогрессивные стремления современной ему передовой молодежи, приведу одно воспоминание из моей личной жизни.

Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память.

(Из статьи «Н. А. Некрасов (к 25-летию его смерти)»)

А. В. Луначарский

С легкой руки эстетической критики пошло представление о Некрасове как о поэте не совсем даровитом, и сам Некрасов о своей музе говорит как о суровой, о своем стихе как о неуклюжем, и даже в юбилейных статьях, прочтенных мною вчера и третьего дня, я нахожу эти признания. «Поэтический талант был не особенно силен, форма шероховата» и т. д. А вот Чернышевский из глубины каторги, умирая там мучительной психической смертью, узнав, что Некрасов умирает физически и мучится на своей постели угрызениями совести, послал ему письмо... в котором говорил:

«Скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек высокого благородства души и человек великого ума. И как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Когда перечитываешь Некрасова вот теперь, зрелым человеком, издавшим виды, читавшим почти всех великих поэтов мира, то недоумеваешь, как могут люди продолжать говорить о каком-то слабом поэтическом даре, о каком-то несовершенстве формы.

Некрасов - гражданский поэт, но это гражданский поэт, в том-то и вся сила.

Стихи Некрасова недостаточно гладки? А кто сказал, что гладкость стиха есть непременно достоинство? Кто это доказал, что об ужасах жизни народа надо непременно писать гладкими стихами? Разве от прозы художника требуется не то, чтобы весь ритм ее соответствовал содержанию? Разве не велик художник, проза которого задыхается, прыгает, падает вместе с содержанием, о котором он повествует, и разве стихи не должны быть именно такими? Разве надо зализывать до степени салонной акварели портреты чудовищной действительности? Какие это пустяки! Если бы стихи Некрасова были более вылощены, более мелодичны, то это действовало бы как ложь. Если человек о смерти своей матери рассказывает, соблюдая все правила синтаксиса и стилистики, то это произведет на всех впечатление чудовищного лицемерия или бессердечия. То, что сам Некрасов принимал за неуклюжесть своего стиха, было поистине только его суровостью. Неуклюж он только потому, что тема его неуклюжа, потому что он искренен, неуклюж потому, что мощен. И было бы жалко, если бы в нем хотя бы на гран было менее этой неуклюжести.

В краткой статье нельзя исчерпать и десятой доли урока, которые дает нам Николай Алексеевич Некрасов. Не принижая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим:

нет в русской литературе, во всей литературе нашей такого человека, перед которым с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова.

(Из статьи «Н. А. Некрасов», 1921)

Ю. И. Айхенвальд

Решительно и без боязни расширил он владения поэзии, с лугов зеленых и вольных полей ввел ее также в городские ворота, на площади, в угар суетливых улиц. Это - завоевание, это - новая мрачная провинция красоты. Только страшно то, что город покорил его не одной своею мрачной поэзией, но и своею прозой. Город нашел в Некрасове своего жреца и свою жертву, своего поэта и своего прозаика. Надо обладать высоким строем духа, чтобы впечатления обыденности улавливать в их общем смысле и эстетической силе, чтобы в такой близости от пошлого избежать отравляющего прикосновения к нему и без опасности для самого себя растить на петербургском болоте какие-то черные цветы, бодлеровские цветы зла, извлекать из них поэтическую сладость. Надобно усилие, отвлечение, чтобы при таком удручающем знакомстве с действительностью переноситься в ту область возвышающего обмана, в ту чистую сферу, где обитает «поэзия свободная». Осиленный буднями и мелочностью, Некрасов над житейской мутью, над мерзостями петербургской непогоды, в ее физическом и нравственном смысле, не мог подниматься незапятнанно; ложились на него густая пыль жизни, тяготели на нем ее осадки, растлевающие осадки жизни, - и погасал, и чадил огонек святой красоты. Окружающее неблагообразие искажало его душу; не бесследно и не безнаказанно проникаешься гадкими впечатлениями, узнаешь мерзкие тайны города, секреты обогащения, и все называешь по имени - не пушкинская «насильственная лоза» у Некрасова, а прямо розга... Он сам был горожанин, петербуржец, сам входил нераздельной частью в городской организм, - и этим объясняется тот отпечаток низменности, который, как мы уже видели, лежит на множестве его произведений, его мнимых стихов. Мелкое оставалось у него мелким, не возрастало от его прикосновения, как это бывает у поэтов-чародеев. В комической, правда, форме, но все-таки он сравнивает снопы, ныряющие в зелени, с зеленым столом, на коем груды золота мелькают, - это для него

характерно. «Захлеснут был я невскою волною», - говорит он о себе, и муза мести и печали, чистая страдальница жизни, должна была вступать в борьбу с этой волной, с невской богиней, с наядой Петербурга. Когда верх брала муза и напряженный строй души не ослабевал, тогда Некрасов показывал, как много было в нем истинной поэзии. Когда же любовь к народу и любовь к свободе не проявлялись у него задушевно, искренне, а механически занимали свое место в какой-нибудь преднамеренной и сочиненной строфе - это было дело петербургской наяды. Она заменяла внутренний порыв шаблоном, омертвелостью тенденции, и Некрасов повторял самого себя, делал новую, поневоле бездушную копию с прежнего одушевленного подлинника. Именно тогда становился он слаб и как художник, тогда он расточал прозаизмы или свои несуразные гиперболы. И читатель оставался холоден и странно смотрел на него или, отзываясь на дурные слухи, посылал ему, как тот анонимный корреспондент, недоумевающее стихотворение «Не может быть». Но все может быть в человеческой душе, и Некрасов, разрываемый в междоусобице идеализма и низменности, являет этому одно из самых убедительных и горьких доказательств...

Зато как близко подходит он к сердцу, особенно к молодому, хорошему сердцу, когда, освобожденный от городского сора в от самого себя как горожанина, он обнаруживает под глубокими песками прозы золотые крупинки красоты, душевности и своеобразного несомненного таланта!

...Правда, и на самой народности Некрасова, словесной народности, лежит печать литературы, и кое-что здесь искусственно, - но в общем, неоспоримо слышны у Некрасова отголоски русского голоса, эхо русской родины, и есть у него живая самобытность, и ярко светится в ней самое ядро души русской, - и в симпатическом горении горит перед ним душа самого поэта. «За каплю крови, общую с народом, прости меня, о родина, прости!» - умолял Некрасов, и все эти стихи действительно обнаруживают его кровное родство с народной стихией, которая и не может ему не простить...

(Из книги «Силуэты русских писателей»)

Н. Тихонов

Он разбросанный, вихляющийся, разнобойный мастер. Есть изумительные стихи. Он, вероятно, инстинктивно чувствовал необходимость брать слова, рифмы, фразы из обыденной речи по контрасту с каноном «высокого стиля» у Пушкина. Не прекрасно-звучащие, ледяные, гибкие слова, а самые, что называется, заморыши, слова-неудачники. Высота его голоса облагородила этот материал.

(Из анкеты поэтам серебряного века, составленной К. И. Чуковским в 1919 г.)

Ю. Мориц

Поэзия Некрасова повлияла, на мой взгляд, на всех значительных поэтов XX века. Даже на тех, кто не отдавал себе в этом отчета. Даже на тех, кто его «не очень» или «совсем» не любил. Некрасовская поэтика вошла в организм отечественной словесности как вещество, подобное соли.

(Из анкеты поэтам, составленной В. Леоновым в 1986 г.)

Вопросы и задания

1. Выделите основные периоды в биографии Н. А. Некрасова. Какие стихи были написаны в каждый из этих периодов?
2. Какую роль в жизни и творческом развитии Н. А. Некрасова сыграл В. Г. Белинский?
3. Каковы были взаимоотношения Некрасова с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриным? В советских учебниках, как непреложная истина, цитировалось высказывание

В. И. Ленина: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все его симпатии были на стороне Чернышевского». Согласны ли вы с этой точкой зрения? Аргументируйте свой ответ.

4. Назовите основные темы и мотивы лирики Некрасова.

5. Какие стихотворения составляют основу лирики Некрасова, посвященной крестьянской теме?

6. Во второй половине XIX в. обращения к музе, популярные среди поэтов 1820-1830-х гг., практически исчезли со страниц стихотворных сборников. Чем вы объясните возрождение образа музы в лирике Некрасова?

7. Как относился Некрасов к творчеству Пушкина? Можно ли считать его строки:

Еще стыдней в годину горя Красу небес,
долин и моря И ласки милой
воспевать

полемическими по отношению к позиции Пушкина, выраженной в стихотворении «Поэт и толпа»?

8. Прочтите начало 7-й главы «Мертвых душ» Гоголя и стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт...». Какие типы писателей противопоставляет Гоголь, какие - Некрасов? Чем отличается основной пафос некрасовского стихотворения от общего настроения лирического отступления Гоголя?

9. Найдите в стихотворении «Поэт и Гражданин» афористические выражения и строки, раскрывающие гражданские чувства Некрасова, его взгляды на назначение поэзии.

10. Воссоздайте по монологу Поэта его жизненную и творческую судьбу. В чем ее драматизм? Что заставляет Поэта назвать себя «больной сын больного века» ?

11. Прочитайте стихотворение «Ах! Что изгнанье, заточенье!..» (из «Трех элегий»). Сопоставьте его со стихотворением Пушкина «Я вас любил...» по настроению, характеру чувств, звучанию. Как принципиально изменился у Некрасова общий строй любовной лирики в связи с появлением «лирической героини» (имеется в виду данное конкретное стихотворение)?

12. Некрасов назвал свою музу «музой мести и печали». Как его стихотворения о природе и любви, известные вам, корректируют эту самооценку?

13. Сопоставьте стихотворения Некрасова «Надрывается сердце от муки» и Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива». Что общего замечаете вы в отношении поэтов к природе? Чем отличается у них ее восприятие, способ писания?

14. Что открывает вам в личности поэта стихотворение «Умру я скоро. Жалкое наследство...»?

15. Прочитав стихотворения «Внимая ужасам войны...» и «Рыцарь на час», покажите, с каким чувством поэт пишет о судьбе матерей. Какие поэтические образы и прямые лирические высказывания автора в этих стихотворениях позволили современному исследователю сказать, что «материнская любовь олицетворяет для Некрасова все самое несомненное и человеческое. Это - нечто первичное и безусловное»?

16. Проведите сравнительный анализ стихотворений Некрасова «Памяти Добролюбова», Пушкина «К Чаадаеву» и Лермонтова «Думы». В этих стихотворениях, различных по стилю и духу, запечатлен облик поколения передовой молодежи разных эпох. Обратите внимание на своеобразие поэтической формы стихотворений, выявляющей отношение поэта к молодому поколению и оценку его роли в жизни общества.

17. Дайте анализ стихотворений: «Свобода», «Литература с трескучими фразами...», в которых раскрывается отношение Некрасова к реформе 1861 г.; «Орина, мать солдатская», «Внимая ужасам войны...», посвященных теме рекрутчины и войны.

18. Строфы «Железной дороги», рисующие картину народного «веселья», К. Чуковский считает «самыми мрачными» в стихотворении, потому что здесь поэт «демонстрирует терпеливость «крестьян-строителей», их «всегдашнюю готовность смиренно прощать своих закоренелых врагов». Критик Н. Скатов иначе рассматривает эмоциональный пафос окончания «Железной дороги» и изображение народа в этом стихотворении. Он пишет, что в «Железной дороге» есть «народ в его поэтической и нравственной сущности, достойный поэтического определения, и народ в его рабьей пассивности, вызывающий горькую иронию». Аргументируйте оправданность мнения одного из них или правоту обоих.

19. Проанализируйте стихотворение «Размышление у парадного подъезда», ответив на следующие вопросы:

1) Когда было написано стихотворение?

2) Какой жизненный случай положен в его основу?

3) Как в стихотворении дается описание парадного подъезда?

- 4) Как вы понимаете слова «одержимый холопским недугом»?
- 5) Какое отношение вызывают у поэта гости?
- 6) Какие мысли вызывает у поэта сцена, разыгравшаяся у парадного подъезда?
- 7) Какую роль в стихотворении играют образы сна?
- 8) Как вельможа оправдывает свое равнодушие к народным бедствиям?
- 9) Как интонация помогает передать основную идею стихотворения?
- 10) Как можно объяснить лексическую пестроту стихотворения (соединение высокой и низкой лексики)?
- 11) Объясните смысл вопроса, которым заканчивается стихотворение.
- 12) Какова идея стихотворения?
- 13) Что можно сказать о жанре?
- 14) Чем близко стихотворение произведениям «натуральной школы»?
20. Какие стихи Некрасова произвели на вас наибольшее впечатление и почему?

Темы сочинений по творчеству Н. А. Некрасова

Идеи революционного патриотизма в лирике Некрасова.

Формирование литературно-эстетических взглядов Некрасова.

Некрасов как художник слова.

Основные особенности языка и стиля поэзии Некрасова.

Школа Некрасова в русской поэзии XIX и XX вв.

Н. А. Некрасов и А. Т. Твардовский.

Мировое значение поэзии Некрасова.

Некрасов - журналист и редактор.

Некрасов в борьбе с царской цензурой (основные этапы).

Образ Некрасова в стихах русских поэтов XIX и XX вв.

Положительный герой Некрасова (выдающиеся представители простого народа и образы революционных деятелей).

Некрасов и традиции русской классической литературы (Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин).

Художественные особенности лирики Некрасова 1840-1860 гг.

Художественные особенности «Последних песен».

Принцип обзорной композиции и его роль в поэзии Некрасова.

Портрет и его роль в поэзии Некрасова.

Пейзаж и его роль в поэзии Некрасова.

Религиозные мотивы в поэзии Некрасова.

Эпитеты и их стилевая роль (в стихотворении, лирическом цикле).

Стилистическая роль диалектизмов и просторечий в поэзии Некрасова и характер работы поэта над ними в различные периоды его творчества.

Сравнительный анализ стихотворений: М. Кольцова «Спаситель, Спаситель, чиста моя вера, как пламя молитвы...»; М. Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»; А. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...»; Н. Некрасова «Тишина» («Храм Божий на горе мелькнул...»).

Цель и смысл жизни - любовь (по лирике Некрасова).

Тютчевские мотивы в лирике Некрасова.

Образ Родины в лирике Некрасова.

Сравнительный анализ стихотворения Некрасова «Тройка» и А. Блока «На железной дороге».

Планы сочинений

Формирование литературно-эстетических взглядов Некрасова

Преодоление эстетических принципов сборника «Мечты и звуки» в ранних статьях и художественных произведениях Некрасова.

Влияние В. Г. Белинского на творчество Некрасова.

Критика реакционных и эпигонских течений в литературе. Понятие передовой, реалистической литературы.

Некрасов о роли идеи в художественном произведении.

Некрасов о своей поэзии как о сестре народа.

Значение передовых эстетических взглядов Некрасова для его поэтического творчества.

Крестьянская тема в лирике Н. А. Некрасова

I. Особенности крестьянской тематики в творчестве Некрасова 1840-1850-х гг. Реализм крестьянских образов. Нравственная высота, физическая мощь и

внешнее обаяние крестьянских образов у Некрасова («В деревне», «Огородник», «Тройка»).

II. Антикрепостнические мотивы («В дороге», «Отрывок из путевых заметок графа Гаранского», «Извозчик», «Забытая деревня»). Отражение назревания в крестьянстве социального протеста («Псовая охота», «Вино»). Вера в народ («Школьник»).

III. Художественное новаторство стихотворений Некрасова 1840-1850-х гг.

IV. Особенности крестьянской тематики в поэзии Некрасова 1860-1870-х гг.

«Размышления у парадного подъезда». Реальная основа этого стихотворения. Широта обобщения. Революционный характер.

Резкое выступление против солдатчины («Орина, мать солдатская»).

V. Отражение неудовлетворенности Некрасова крестьянской реформой в стихах 1860-1870-х гг. Создание произведений о народе и для народа. Принципиальное значение посвящения к «Коробейникам». Изображение крестьянского быта пореформенной России и духовного облика народа.

Сочувственное изображение крестьянских детей в одноименном стихотворении.

VI. Крестьянская тема и крестьянские образы в лирических и сатирических произведениях Некрасова 70-х гг. («Элегия», «Как празднуют трусу...»). Народность - основная отличительная черта этих произведений. Тесная связь с народным творчеством и бытовым крестьянским языком. Полное

соответствие между стилем и содержанием этих произведений. Попытка Некрасова распространить свои произведения в народе.

Город в поэзии Некрасова

I. Городские мотивы в раннем творчестве Некрасова. Связь городской тематики Некрасова с гоголевской школой.

II. Образ капиталистического города в зрелом поэтическом творчестве Некрасова. Связь с пушкинскими традициями. Изображение петербургской бедноты, драм уличной жизни. Образы мастеровых, рабочих и различных пасынков жизни. Изображение трудовых окраин Петербурга.

III. Художественные особенности произведений Некрасова, в которых изображен город. Сатирическое обличение социальных верхов города. Образы «друзей народа и свободы» в творчестве Некрасова.

IV. Дальнейшее развитие в русской литературе (Маяковский) традиций Некрасова в изображении капиталистического города.

Язык и стиль поэзии Некрасова

I. Язык и стиль Некрасова - могучее средство выражения его передовых идей. Некрасов о важности «стиля, отвечающего теме».

II. Развитие Некрасовым традиций языка и стиля, созданных крупнейшими писателями-реалистами (Пушкиным, Гоголем).

III. Демократизация поэтического языка и стиля в лирике Некрасова, использование деловой, разговорной и публицистической лексики. Обличительный пафос стихотворений Некрасова, гневные ораторские интонации. Мастерское сочетание различных стилей в пределах одного произведения. Сочетание прозаизмов с высокой патетикой.

IV. Элементы народного языка в сатирических поэмах Некрасова как средство речевой характеристики персонажей. Использование народных поговорок и пословиц. Элементы профессиональных и классовых жаргонов и их стилевая роль. Ирония и иносказание («эзопов язык») как средство борьбы с цензурой. Традиции демократического языка и стиля Некрасова в русской поэзии XX в.

Некрасов и народное творчество

(Народные песни в поэзии Некрасова)

Высказывания Некрасова о народном творчестве. Народная песня в поэзии Некрасова 1840-1850-х гг. Возрастание интереса Некрасова к народному творчеству в 1860-х гг. Связь этого интереса с общественно-историческими условиями.

Широкое использование народной песни в стихах и поэмах Некрасова 1860-х гг.

Полемика с отсталыми, консервативными сторонами народного мировоззрения («Катерина»),

Характер отбора народных песен в поэзии Некрасова. Обработка используемых произведений

и образов в художественном и идейном отношении.

Напевность стиха Некрасова. Связь ритмики некрасовского стиха с ритмом народных песен. Рифма народных песен и поэзии Некрасова.

Соответствие народного характера некрасовской поэзии ее народному содержанию. Некрасовские традиции использования народных песен в поэзии XX в.